

Nurtazina Maral, Schamiloglu Uli

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В
ТЕКСТОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/34.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 88-93. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ничить рамки работы либо анализом отдельного смысла, входящего в состав предельного понятия, либо изучением языковых средств его выражения. В случае с исследованием предельного понятия «обладание» это представляется нам актуальным, учитывая как неоднозначность смыслов, собираемых им, так и разнообразие языковых средств.

2. Рассмотрение многомерных концептов в качестве «*предельных понятий*» предполагает как «движение по горизонтали» (т.е. поиск все новых и новых смыслов, выражаемых предельным понятием), так и «по вертикали» (глубинный анализ понятийно-эмоциональной составляющей каждого отдельного смысла). Таким образом, «*предельное понятие культуры*», с нашей точки зрения, объединяет в себе «*языковую категорию*» и «*концепт*». Основная цель «*категоризации*» - поиск новых понятий, подпадающих под общее определение (т.е. движение «по горизонтали»), а «*концептуализации*» - глубинное проникновение в понятийно-эмоциональную составляющую (т.е. движение «по вертикали»).

Необходимость сопоставительного анализа при рассмотрении предельных понятий разных лингвокультур становится очевидной, поскольку «культура сама является предельным понятием и понимается как таковая при наличии другой культуры [Снитко 1999: 7]». Такое сопоставление, на наш взгляд, может представлять особый интерес не только с точки зрения выявления смыслов сходных предельных понятий в двух лингвокультурах, их соотнесения, но и с точки зрения обнаружения новых смыслов предельных понятий.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - М.: Языки русской культуры, 1993. - 896 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 776 с.
3. Друзина Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: Дис. ... доктора филол. наук. - Саратов, 2006. - 360 с.
4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. - М.: Тетрасистемс, 2004. - 256 с.
5. Пищальникова В. А. Теория значения: синергетический аспект // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы II шк.-семинара. - Барнаул, 2001. - С. 108-122.
6. Снитко Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: Монография. - Пятигорск: Пятиг. гос. лингв. ун-т, 1999. - 156 с.
7. Стернин И. А. Структура концепта. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под общей ред. В. А. Пищальниковой. - М.-Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2006. - Вып. 10. - С. 218-229.
8. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Избранные труды. - М.: Искусство. Культура. Политика, 1995. - С. 545-576.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Maral Nurtazina, Uli Schamiloglu
USA

Осуществление функционально-коммуникативного подхода к языковым явлениям ставит исследователя перед необходимостью по-новому подойти к ряду традиционных проблем, переосмыслить некоторые теоретические понятия с учетом функционально-прагматического аспекта их применения. В этом контексте взаимоотношения между говорящим и слушающим во всем многообразии «авторских обликов» - это признаки, которые представляют собой реальные способы осуществления реальных форм языкового общения и объединены коммуникативной проблематикой и потому непосредственно касаются процесса формирования текста. Текст при этом целесообразно трактовать как «функционально-семантическое понятие, которое помогает увидеть, каким образом осуществляется связь языка и ситуации общения, создающая речевое произведение» [Арутюнова 1999: 121]. Принципиально важным представляется и определение текста как «произведение речетворческого процесса» [Бахтин 1986: 18], обладающего структурной и смысловой завершенностью, неотъемлемым свойством которого является коммуникативная направленность и эстетическая целостность.

Вопрос о связи прагматики и лингвистики текста становится в настоящее время весьма актуальным, так как текст не существует вне прагматических параметров [Богданов 1993: 27-35]. Прагматика текста как продукта коммуникации представляет собой вербальную реализацию коммуникативной установки участников общения (в первую очередь - автора), которая во многом определяет законы текстообразования. При обращении к прагматической организации текста с необходимостью должны привлекаться результаты семантико-синтаксических и структурных исследований текста, так как нерасторжимость семантики и синтаксиса, комплексный характер построения и функционирования текста очевидны. Коммуникативные единицы в лингвопрагматическом аспекте рассматриваются в треугольнике «я - сейчас - здесь» [Степанов 1998: 234-240; Падучева 1996: 215-217], т.е. органическим составляющим процесса коммуникации является триумвират субъекта сообщения, времени и места.

Таким образом, исходными прагматическими параметрами коммуникации могут быть признаны основные параметры функционально-прагматической ситуации, включающей экстралингвистические факторы,

«культурный и фоновый» контекст, интенцию субъекта речи, фактор адресата, к которому направлено коммуникативное намерение автора. Однако на уровне текста наблюдается усложнение предмета коммуникации, становятся многограннее взаимоотношения автор-адресат, возрастает роль интеллектуального, общеобразовательного багажа адресата в адекватной интерпретации текстовой информации. Кроме того, конкретная семантика текста в значительной мере зависит оттого, кто и как этот текст формирует, кем и как он интерпретируется [Богданов 1993: 28-35].

С представлением ситуации естественного общения соотносится коммуникативная ситуация, репрезентируемая текстовым фрагментом с прямой речью. Акту речи сопутствуют такие параметры, не нуждающиеся в вербализации в процессе реальной коммуникации, как: фактор субъекта, фактор адресата, предметно-событийный фон (место, время, обстоятельства установления речевого контакта). Таким образом, рассмотрение проблемы прагматизации тех или иных компонентов должно быть соотнесено с внеязыковыми факторами, конкретно-социальным контекстом, т.е. параметрами коммуникативно-прагматической ситуации, которую понимают как комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта, важнейшим составляющим которого является прагматический эффект, выражающийся в реакции адресата, его вербального / невербального поведения.

Так, прагмалингвистический подход к исследованию вербальных и невербальных средств предполагает включение их в структуру дискурса, понимаемого как языковое общение в целом, как совокупность всех речевых и неречевых актов в данный момент времени. При таком подходе невербальные средства рассматриваются в их взаимосвязи с другими единицами речевого общения, а также с учетом психологических, социальных, культурных и этнических условий функционирования элементов в дискурсе. Кроме того, если языковые единицы дискурса имеют определенную самоценность и могут изучаться в отрыве от человека и его коммуникативной деятельности, то невербальные средства могут стать коммуникативно-значимыми только в дискурсе, в процессе общения, когда они становятся действием и вступают в оппозитивные отношения с речью.

Говоря о взаимосвязи языка (языковых единиц общения) и невербальных средств, следует в целом сказать, что в условиях дискурса эти два явления оказываются тесно переплетенными, взаимообусловленными и взаимосвязанными. Невербальные акты часто оказываются результатом или причиной того или иного высказывания, и наоборот, высказывания, их семантическое содержание и лексическое наполнение могут стать причиной последующего невербального акта (жестов, мимики, молчания).

Дискурс как единица речевого общения может иметь самые разнообразные формы - «от минимум единства... до более крупных построений, имеющих единую интегративную коммуникативную функцию» [Зернецкий 1987: 90]. Однако в его основе лежит прежде всего диалог, «наиболее простая и классическая форма речевого общения» [Бахтин 1986: 445]. Общеизвестным является тот факт, что элементами диалога являются не только слова, речевые акты, но и невербальные коммуникативные средства - жесты, взгляды, мимика, молчание, - т.е. все, чем можно обменяться.

Исследуя текст с функционально-прагматической точки зрения, нельзя не обратить специального внимания на самих создателей высказывания - говорящего и слушающего. Именно их отношение к языку есть движущая сила процесса формирования текста.

Основным вопросом, на который должен ответить коммуникативно-прагматический анализ текста, - это вопрос о том, какую дополнительную информацию, кроме простого сообщения о ситуации, содержит анализируемый отрезок (имеются в виду сведения о цели, общественном и территориальном положении говорящих, индивидуальности словесного отбора и др.).

В процессе языкового означивания денотативной ситуации большую роль играет такой экстралингвистический фактор, как речевая ситуация, содержащая, кроме говорящего и слушателя, место и время, в которых они взаимодействуют в структуре речевого акта. Известно, что отражение объективной действительности зависит от коммуникантов - говорящего и слушающего. Субъект речи, даже если он не эксплицирован, всегда предполагается. Поэтому в настоящей работе принимается во внимание как познавательная деятельность говорящего (сообщаемое в высказывании представляет собой результат познавательной деятельности человеческого сознания), так и реализация интенций говорящего (автора), его коммуникативной установки (имеется в виду направленность сообщаемого второму коммуниканту - адресату, которая может приобретать характер воздействия на него). Обе эти установки - и познавательная и коммуникативная - взаимосвязаны и зиждутся на одной основе - активности человеческого сознания, которая может проявляться в большей или меньшей степени. Поэтому актуальным представляется то, что в концепции Э. Бенвениста субъективность оценивается как фундаментальное качество языка и предстает в виде глобальной проблемы «человек в языке», причем антропоцентрический принцип его используется при анализе конкретного языкового материала [Бенвенист 1974: 312 и др.].

Именно на уровне текста и роль говорящего, и соотнесенность его с семантикой языкового знака существенным образом меняются. Деятельность сознания в этом случае направлена на выявление не очевидных, непосредственных фактов объективной действительности, а скрытых, сущностных сторон и связей явлений реального мира. Говорящий своим объектом имеет не саму временную или причинную ситуацию, а рассуждение, разъяснение по поводу этой ситуации; временная и причинная зависимость между событиями выявляется на основе определенных логических операций, при активной, творческой роли говорящего лица, вносящего момент оценки связи между событиями, например: *«Покойная матушка на этот промысел непро-*

ворная была, все у нее из рук валилось. Нитку сучит - плачет, холсты ткет - слезами заливаается. Говорит, до Взрыва все иначе было» (Т. Толстая. Кысь. Аз).

Большая «мера» прагматичности, активности соответствует теоретическому уровню познания объективной действительности. Здесь обращает на себя внимание не только акцент на позиции говорящего, голос которого становится настолько весом, что начинает играть конструктивную роль в смысловой организации высказывания, но и прагматическая направленность на адресата. Речевое действие говорящего имеет ярко выраженный адресованный характер, основная информация передается через взаимодействие говорящего и адресата [Гак 1998: 345-349].

Говорящий, размышляя, обосновывая свою мысль, стремится (явно или скрыто) в той или иной мере воздействовать на адресата - убедить его в истинности сообщаемого, внушить ему свою оценку фактов, субъектов, объектов, вызвать у него нужные эмоции, побудить к совершению действий, т.е. говорящий обнаруживает коммуникативно-прагматические намерения, целиком сориентированные на адресата. Как отмечает М. М. Бахтин, «и сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понимания, так сказать только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения» [Бахтин 1986: 255], например: «Сызмальства Бенедикт ко всякой работе отцом приучен. Каменный топор изготовить - шутка ли. А он может. Избу срубить - срубил, хочешь - в угол, хочешь - в лапу, по-всякому. Печь сложить умеет. Баньку спроворить. Отец, правда, мыться не любил. А Бенедикту нравилось. Заползет в баньку, в теплое нутро, плеснет на камни яичного квасу, чтоб дух пошел, распарит клеветный веник и знай себе по бокам охаживать!» (Т. Толстая. Кысь. Буки); «Вероятно, Быков просто не знал, с чего начать. Он **щурился** на серое небо за прозрачной стеной, **кряхтел**, **гладил** колени и **барабанил** по подлокотнику кресла толстыми, сильными пальцами» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Испытание СКИБР); «И **Надя сдалась, уступила, солгала, кивнула** на диссертацию: - Ну, простите, девочки, измучилась я. - Нет больше сил переделывать. Сколько можно?» (А. Солженицын. В круге первом); «Он целый час **просидел** на скамейке, они не **пришли**. Значит, уехали днем раньше» (В. Набоков. Волшебник).

Осмысление конструкций, выражающих те или иные значения, в рамках теории номинации и с позиций функционально-прагматического подхода, с учетом характера и сложного взаимодействия познавательной и коммуникативной установок говорящего, позволяет более глубоко проникнуть в природу изучаемых построений, по-новому подойти к решению вопросов, связанных со спецификой статуса говорящего и его роли в формировании содержания структуры данного явления, с разработкой проблематики содержательного и формального варьирования конструкций, выражающих смысловые отношения.

Отправным пунктом прагмалингвистического исследования текста может считаться также положение о целесообразности речевой деятельности. В связи с чем прагматически релевантным является рассмотрение высказывания с точки зрения его воздействия на адресата, т.е. выполнением высказыванием перлокутивных и иллокутивных функций. Существенный интерес для выявления прагматических характеристик высказывания и его компонентов представляет изучение личностных характеристик речетворчества, т.е. исследованные факторы, концентрирующиеся вокруг доминанты «человек, творящий язык», к которым относятся как собственно лингвистические, психолингвистические, так и экстралингвистические, историко-культурные, социальные факторы. При прагматическом рассмотрении высказывания внимание должно быть сосредоточено также на исследовании эффективности речевой коммуникации и на выявлении его интеракционных характеристик, обращение к так называемому «фактору адресата» [Арутюнова 1999: 156-164], в результате чего оказывается возможным адекватная интерпретация автором интенций и прагматического содержания высказывания.

Очевидно, что при описании прагматических характеристик компонентов необходимо учитывать его связи и зависимости с целым, прагматическим содержанием высказывания, для чего необходимо выяснить его структуру. В этом вопросе мы принимаем точку зрения И. П. Сусова, который включает в прагматическую структуру высказывания следующие компоненты: интенциональный (иллокутивный), кооперативный (импликационный), ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, экспрессивно-оценочный, функционально-стилистический, модальный, коммуникативно-информационный [Сусов 1986: 11].

Прагматически релевантными будем считать компоненты, обладающие самостоятельным прагматическим содержанием и участвующие в той или иной мере в формировании прагматической структуры высказывания, опущение которых ведет к утрате, искажению некоторых прагматических характеристик высказывания. Целесообразно вычленение некоторых факторов, лежащих в основе механики прагматизации компонентов, отражающих отдельные параметры ситуации: 1) факторы экстралингвистического характера, включающие условия протекания коммуникативного акта, общую социально-политическую, историко-культурную ситуацию общения (так называемый «фонный контекст»); 2) фактор субъекта речи, отражающий индивидуально-психологические, содержательные особенности личности говорящего; 3) фактор адресата, включающий как подготовленность адресата к адекватному общению, его индивидуальные характеристики, так и интеракционные, межличностные отношения между коммуникантами.

Поиск механизма формирования и актуализации прагматического содержания компонентов, составляющих те или иные значения, приводит в область экстралингвистического. При анализе высказываний, включенных в ситуацию речевого общения, важная роль должна быть отведена изучению конкретных условий, в которых рассматриваемые компоненты приобретают прагматическую нагрузку. Роль экстралингви-

стического фактора, ситуации общения единогласно подчеркивается исследователями лингвопрагматического аспекта высказывания, при этом отмечается, что адекватная коммуникация возможна лишь при совпадении «фонда общих знаний» коммуникантов [Богданов 1993; Падучева 1996; Гак 1998; Арутюнова 1999].

Релевантным является и тот факт, что в высказывании, сотворенном человеком, соединяются значения принципиально разноплановые: объективные, отражающие определенные фрагменты действительности (диктумная часть), и субъективные, отражающие отношение субъекта к обозначаемому (модусная часть). С точки зрения диктумного содержания высказывания роль субъекта проявляется в связи с его положением по отношению к координатам оси «я-здесь-сейчас», в обозначении реального объективного времени, в рамках которого реализуется манифестируемая высказыванием ситуация. Модусная сторона гораздо сложнее, в ее формировании принимает участие множество факторов, ведущим из которых является субъект, автор речи. Ведь в высказывании, порожденном человеком, находит отражение не только мир внешний, в котором он живет, но и мир внутренний, чувств. Человек воспринимает реальный мир через призму своего опыта, воспитания, культуры, мироощущения.

В этом ракурсе высказывание, репрезентирующее, например, таксисное значение, может восприниматься не только как обозначение реальных хронологических отношений. Прислушавшись к голосу субъекта, мы можем обнаружить за простой номинацией времени жизнь человеческого духа, личность в ее сложности, многогранности, человека думающего, оценивающего, призывающего. Таким образом, выяснение формирования и актуализации прагматического содержания высказываний невозможно без выяснения релевантных качеств личности, создающей высказывание, прагматического субъекта (коммуникативно-прагматического). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а как личность «параметризованная», выявляющая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов» [Арутюнова 1999: 57].

При выделении релевантных характеристик личности, представляющей субъекта речевого общения, необходимо учитывать единство двух существенных факторов, формирующих личность: объективного (личность как продукт общественного, исторического развития) и индивидуального (совокупность оригинальных взглядов, интересов, мотивов, эмоций). В субъекте речи оказывается переплетены, диалектически взаимосвязаны «социальное и индивидуальное, общее и особенное, природное и усвоенное, объективное и субъективное» [Гак 1998: 389].

Для характеристики речевого поведения личности, ее индивидуальной особенности привлекаются также факторы интрасубъектные и экстрасубъектные. К интрасубъектным факторам относятся все характеризующие дискурс компоненты, «внутренне присущие личности в определенный момент ее жизнедеятельности (пол, возраст, профессия, состояние сознания (установки, ценностные ориентации), интеллектуальный уровень» [Гак 1998: 232-257]. К экстрасубъектным факторам относятся внешние условия, оказывающие влияние определенного плана на поведение, внутреннее состояние субъекта речи. Различные факторы, из которых складывается «образ» субъекта, оказывается существенным для формирования и актуализации прагматического содержания высказывания, т.е. «прагматической значимостью обладает все то, что «освещено» интенцией говорящего» [Степанов 1998: 346-352].

Выявление прагматических смыслов компонентов, представляющих ту или иную ситуацию, их функций в составе высказывания становится возможным лишь при учете «параметрических», личностных, интенциональных характеристик субъекта речи, а с другой стороны, посредством прагматической информации, извлекаемой из всего высказывания в целом, может быть адекватно охарактеризован субъект речи, семантический субъект высказывания.

Обратимся к рассмотрению случаев участия всех компонентов в формировании модальной рамки высказывания, вхождения в прагматическую структуру высказывания (экспрессивно-оценочный, модальный план).

Прагматическое содержание всех компонентов в высказывании оказывается тесно связанным с имплицитной пропозиitivностью и темпорального компонента, за которой скрыта ситуация характеристики. Причем семантический субъект скрытой пропозиции и основного высказывания совпадают. Временная синтаксема участвует в характеристике семантического субъекта, которому приписываются признаки, ограниченные временным состоянием субъекта. Здесь мы имеем дело с ярко выраженным оценочным высказыванием, а, как отмечает Е. М. Вольф, «модальная рамка оценки относится к прагматическому аспекту высказывания, одна она тесно связана и семантикой оценочной структуры» [Вольф 1985: 13].

Оценочные высказывания отражают образ человека, его личностную сферу, так как предметы, явления, события оцениваются, принимаются или отвергаются, исходя из тех установок, которые составляют ядро личности. Формулируя оценку, субъект эксплицирует свой взгляд на воспринимаемые предметы, явления, однако часто та или иная оценка требует мотивировки, особенно если это касается этических оценок. Н. Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «аксиологическое утверждение всегда прагматически связано: оно больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект» [Арутюнова 1999: 134]. Рассмотрим пример: *"Ах, эта тетя Поля! Она вырастила его (лейтенанта Филиппова) и воспитала. Она любила его. Но с тех пор, как он стал служить Там Где Надо, она изменила к нему отношение и, несмотря на свое пролетарское происхождение, превратилась в ужасную контру. Она говорила, что жизнь при царе была гораздо дешевле, и подсчитывала, сколько стоили тогда фунт масла или голова сахара, но из всех цен он почему-то за-*

помнил только, что ситец стоил восемь копеек аршин" (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Как видим, семантический субъект высказывания оценивается посредством использования прилагательных эмоциональной оценки («ужасная контра» и др.). Специфика оценочного модуса состоит в том, что он непосредственно соотносится не с самим субъектом, а с теми событиями, состоянием, которые переживает субъект, с той ситуацией, в которой он оказывается в данный момент времени. Модальная рамка оценки, накладываясь на высказывание, не совпадает с его логико-семантическим построением, предпочтительнее оказывается прагматическая трактовка, которая позволяет эксплицировать мотив и основание оценки. Эмоционально-оценочное содержание темпорального компонента (**с тех пор как...**) может приобретать различную прагматическую ориентацию: «оказывать влияние на поведение посредством воздействия на оценочные установки личности» [Богданов 1993: 19], апеллировать к эмоционально-волевой сфере психики адресата, вызывая сопереживание, соглашение, сочувствие. Отметим, что темпоральный компонент может быть квалифицирован как синкретичный компонент, так как обозначает не только временные рамки, в которых производится оценка, но и эксплицирует причину, обуславливающую мнение автора. Прагматизация всех компонентов формируется в результате актуализации импликационного темпорального компонента с опорой на «фонд общих знаний», индивидуального жизненного опыта коммуникантов.

В приведенных высказываниях прагматическое содержание темпорального компонента, подчеркивающего целостный временной период, в рамках которого разворачиваются события ("с тех пор, как он стал служить."; "в первые дни севастопольской жизни."; "за зиму."), не только участвует в формировании субъективного модуса оценки, но и выполняет мотивирующую функцию, являясь способом обоснования оценочного суждения-мнения. Облигаторность темпорального компонента подкрепляется в данном случае специфической функцией аксиологических предикатов мнения «вводить признак временного модуса, показывая, что оценки могут меняться во времени» [Арутюнова 1999: 99-110]. Темпоральный компонент высказывания находится в тесных отношениях с семантическим субъектом, несет в сжатой концентрированной форме информацию о социальном статусе, мировоззрении, индивидуально-психологических характеристиках личности. Экспликация пресуппозитивной части высказывания выявляет отношение временной характеристики к семантическому субъекту. Высказывание сохраняет истинность лишь при указании на период времени, в рамках которого осуществлялась оценка. Отметим также значимость «культурного контекста» при адекватном восприятии высказывания и его оценочной модальности, в связи с чем ярко выраженная негативная оценка модусного высказывания требует аргументации. Такую аргументацию можно извлечь из прагматического содержания темпорального компонента, которое участвует в формировании модусной части высказывания, мотивируя оценочную деятельность субъекта.

В сферу прагматики, отмечает В. В. Богданов, «включается отношение говорящих к средствам обозначения мира, к выбору этих средств с целью произвести определенный коммуникативный эффект» [Богданов 1993: 56-59]. Придавая семантике темпорального компонента дополнительную эмотивную окрашенность (путем введения коннотативной лексики), создавая определенный экспрессивный эффект, сообщая определенное отношение к событиям, субъект речи тем самым не только передает свое личное отношение к обозначаемым моментам действительности, но и рассчитывает на определенный эффект воздействия на адресата. За счет повышенной эмоциональности, эксплицитно или имплицитно выраженных оценок событий, субъект способен оказывать эмотивное, экспрессивное, побудительное воздействие на адресата.

Еще примеры: *«Митрофаний всегда говорил, что мужчине делает жена, и для наглядности пояснил свою идею при помощи математической аллегории. Мол, мужчина подобен единице, женщина нулю. Когда живут каждый сам по себе, ему цена небольшая, ей же и вовсе никакая, но стоит им вступить в брак, и возникает некое новое число. Если жена хороша, она за единицей становится и ее силу десятикратно увеличивает. Если же плоха, то лезет наперед и во столько раз мужчину ослабляет, превращая в ноль целых одну десятую»* (Б. Акунин. Пелагия и Черный Монах); *"Находясь в обществе друг друга, Митрофаний и Алеша более всего напоминал (да простится нам столь непочтенное сравнение) большого старого пса с задиристым кутенком, который, резвясь, то ухват родителя за ухо, то начнет на него карабкаться»* (Б. Акунин. Пелагия и Черный Монах).

Итак, содружество лингвистики текста и прагматики обогатилось новыми представлениями и понятиями, расширило и изменило концептуальный аппарат лингвистики текста. Оно заставило посмотреть на текст как на процесс, язык в действии и как на составную часть общественной практики человека. Ведь в прагматическом содержании темпорального компонента отражается суждение о мире, нормативно-ценностное либо предвзято субъективное отношение к событию, исходящее от именуемого субъекта. Поэтому включение эмоционально-оценочного коннотативного компонента в состав временных синтаксем может быть квалифицировано как речевой поступок, так как рассчитано на определенный эффект воздействия на адресата. Характер воздействия, выбор эмоционально окрашенных характеристик несут определенную информацию о различных параметрах личности субъекта речи. Лингвопрагматическая интерпретация высказывания в рамках социально-культурного контекста как раз позволяет соотнести выявленные эмоционально-оценочные смыслы темпорального компонента с социально-политическими, мировоззренческими характеристиками субъекта речи.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. - 624 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. - М.: Художественная литература, 1986. - 541 с.
3. Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Общая лингвистика / Пер. с француз.; ред., вступ. статья и коммент. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - С. 270-411.
4. Богданов В. В. Текст и текстовое общение: Учеб. пособие. - СПб.: РИО СПбГУ, 1993. - 68 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 227 с.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 768 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 140 с.
8. Зернецкий П. В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы: Межвуз. сб. науч. тр. - Калинин: КГУ, 1987. - С. 89-95.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 464 с.
10. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 784 с.
11. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч. тр. - Калинин: КГУ, 1986. - С. 7-11.
12. Холлидей М. А. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1980. - Вып. 9. Лингвостилистика. - С. 134-167.

**ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ В ВОПРОСЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДУХОВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ***Оленева Т. Б.**Марийский государственный университет*

Не может быть подвергнута сомнению широко распространенная в настоящее время мысль о том, что общепризнанной целью образования является выдвижение общекультурной компетентности в качестве важнейшего ориентира в формировании личности. Этот факт имеет особую значимость для развития нашей страны, которая пережила несколько сломов долговременно складывавшихся культурных парадигм [Егоршина 2001: 297]. Причем, как показывает практика, уровень профессиональной компетенции учащихся, студентов, учителей общеобразовательных школ, например, в области истории русского языка и древнерусской литературы непозволительно низок, что, безусловно, не способствует, если можно так сказать, *качеству*, как общекультурного, так и сугубо профессионального кругозора конкретного индивидуума и общества в целом. Знать немного обо всем и все - о немногом, - вот та цель, к которой должен стремиться любого уровня нарратор, сообщая информацию, основывающуюся на фактах древнерусской словесности. Безусловно, так называемые базовые данные должны быть в центре содержания образования, но при этом ознакомление обучающихся с новейшими работами современных исследователей, хотя бы в конспективной форме, на наш взгляд, не только не «засоряет» незрелый ум, а, наоборот, поселяет в некоторых головах желание проникнуть глубже в суть излагаемой информации. Этому могут служить монографии А. А. Зализняка, А. А. Зимина, Б. М. Гаспарова и др., которые, вне всякого сомнения, расширяют любой личности, пополнив его достоверными сведениями относительно, например, атрибутики и поэтики «Слова о полку Игореве».

Безусловно, культура состоит в том, чтобы осознанно и уважительно относиться к наследию прошлого, а профессиональная компетентность - одно из средств достижения необходимого уровня образования личности.

Но при этом важнейшим условием пополнения так называемого культурного багажа является «чистота» информационных источников, степень достоверности данных из которых и определяет достойный уровень полученной информации. Известно, что роль печатного слова, чрезвычайно высока. Особенно это качество присуще людям среднего и старшего поколения, так как «издаться высокой печатью» в прежние времена было чрезвычайно сложно. Настоящее время «грешит» *нетрудностью* процесса обнародования разного рода опусов, часто весьма отдаленно напоминающих действительно научные изыскания. При этом материальное положение автора играет здесь не последнюю роль.

Печальный пример в этом плане - книга (не называю ее научной монографией) *депутата Государственной Думы (!)*, доктора *политических наук*, профессора МГИМО В. Р. Мединского «Негодяи и гении PR: от Рюрика до Ивана III Грозного» (СПб.: Питер, 2008. - 316 с.: ил. - (Серия «1000 лет русского PR»). Она - яркое свидетельство весьма легкого, а поэтому и поверхностного отношения к ряду исторических фактов, неоправданного низвержения устоявшихся в науке постулатов. Монография позиционируется как «литература учебная» (!), причем «Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав, ...имея в виду возможные человеческие или технические ошибки, издательство не может гарантировать абсолютную точность и полноту приводимых сведений и не несет ответственности за возможные ошибки, связанные с использованием книги» (4 с.). Как говорится, комментарии излишни, а в силу процитированного выше - и не безопасны. Но не прокомментируйте данную реминисценцию - значит согласитесь с В. Р. Мединским и, таким образом, опуститесь до уровня его непрофессионального комментирования фактов древнерусской словесности Киевского периода.